

ВЕДОМОСТИ

10 апреля 2003   Михаил Фихтенгольц

Со слезами на глазах

В минувший понедельник до отказа заполненный публикой Государственный Кремлевский дворец плакал навзрыд: русский топ-баритон Дмитрий Хворостовский представил свою новую программу из песен военных лет. Из всех громких музыкальных проектов последнего времени этот, безусловно, был обречен на успех и - что встречается гораздо реже - был этого успеха полностью достоин.

В финале публика приветствовала певца стоя, утирая слезы и хлопая в ладоши в такт бессмертному "Дорогая моя столица, дорогая моя Москва! ".

Если бы новая программа Хворостовского длилась два отделения, то громоздкий Кремлевский дворец от нахлынувших патриотических чувств не устоял бы. Но шлягеры времен Великой Отечественной войны занимали лишь вторую часть вечера - в довесок к ним в первом отделении звучали популярные оперные арии, которые должны были бы, по идее, подновить в сознании столичной публики "классический профиль" певца.

Никаких новых впечатлений в многожды спетых ариях из "Евгения Онегина", "Демона" и "Трубадура" Хворостовский не подарил: купаясь в богатых красках собственного голоса и не перетруждая себя большими переживаниями, он давал залу ровно то, чего от него ждали - интонаций уставшего прожигателя жизни (Онегин) и благородной снисходительности романтического героя (Демон).

Оформление к бархатному голосу звезды придумано было крайне неудачное - и Московский камерный оркестр Константина Орбеляна, открывший вечер увертюрой к "Руслану и Людмиле", и сводный российско-американский хор из колледжа им. Шнитке и Йельского университета, промямливший два хора Верди, смело могли бы пропустить мероприятие.

Во втором отделении и хор с оркестром, и солиста словно подменили. Когда со сцены полилась первая мелодия - "И солдаты идут" - зал оцепенел: до боли знакомые, тысячу раз перевранные и спародированные шлягеры Хворостовский пел с такой задушевностью и с таким тактом, что публика сдалась сразу и без боя.

Патриотическая тема, обращение к которой в последние годы, как правило, грозит чудовищной пошлостью и фальшью, обрела едва ли не идеальное воплощение в программе Хворостовского: очень строгий, без пережимов и наигрыша вокальный стиль, грамотная оркестровка и ненавязчивое сопровождение, где к скрипкам и духовым добавлены трогательные балалайки и гармонь.

"Где-то далеко", "Темная ночь", "На сопках Маньчжурии" - все эти популярные песни Хворостовский поет столь просто, ничем не обнаруживая свой оперный бэкграунд, что, кажется, именно для него они и были предназначены. Более деликатного обращения с нашим общим прошлым трудно себе представить.